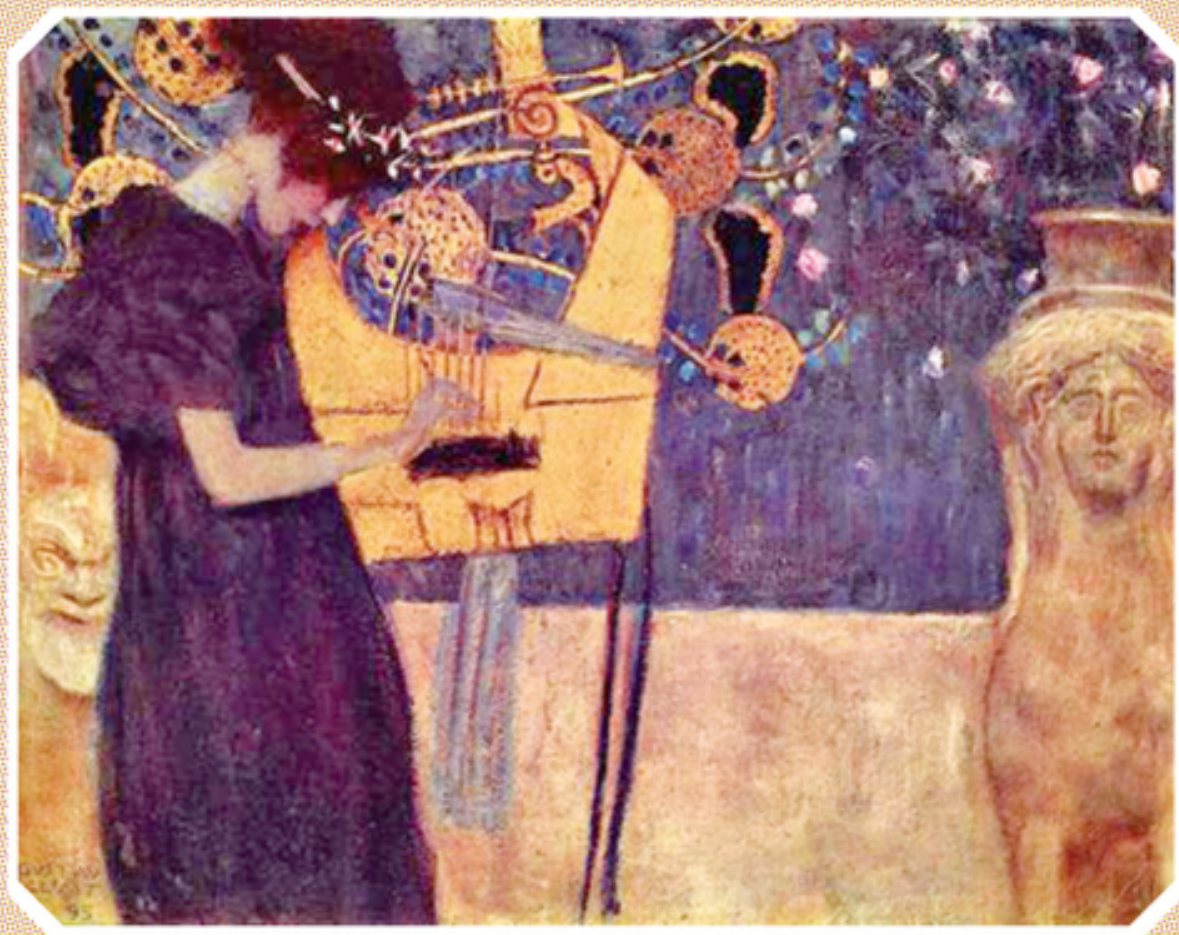

Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

ЭДНА СЕНТ-ВИНСЕНТ МИЛЛЕЙ
ЛЮБОВНЫЙ
ХЛЕБ

Перевод
МАРИИ РЕДЬКИНОЙ

Пространство перевода

Эдна Сент-Винсент Миллей

Любовный хлеб

«Водолей»

Миллей Э.

Любовный хлеб / Э. Миллей — «Водолей», — (Пространство перевода)

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892—1950) – первая поэтесса, получившая Пулитцеровскую премию; одна из самых знаменитых поэтов США XX века. Классическая по форме (преимущественно, сонеты), глубокая и необыкновенно смелая по содержанию, любовная и философская лирика Э. Миллей завоевала ей славу уже при жизни. Переводы из Эдны Сент-Винсент Миллей на русский язык немногочисленны. Наиболее удачными были переложения Михаила Зенкевича и Маргариты Алигер. Мария Редькина много лет переводит стихи Миллей. Её работу высоко оценили А. Штейнберг и А. Ревич, чьи семинары она посещала. Впервые издаваемые отдельной книгой, эти переводы станут подарком для всех почитателей творчества поэтессы.

© Миллей Э.

© Водолей

Содержание

Стихотворения	6
«От воскрешенных утром сновидений...»	7
«Ложь! Время боли не смягчит такой...»	8
«Ты – в памяти оттаявшей земли...»	9
«О, если до меня домчится весть...»	10
«В беседе нашей я зову вас другом...»	11
«Обеты я не слишком свято чту...»	12
«Опять в мои засушливые дни...»	13
«Тебе в лицо глядела непрестанно...»	14
«Любимый мой, подумай о грядущем...»	15
«Как пилигрим вновь посещает храм...»	16
«Когда уйдешь ты – тот, что для меня...»	17
«Когда Любовь меня разоблачит...»	18
«Я – только лето сердца твоего...»	19
«О, если любишь, радость раздели...»	20
«Жалей меня не оттого, что свет...»	21
«Вдруг от твоей всем видимой личины...»	22
«Вовек не затянуться этой ране...»	23
«Опять приду на этот хмурый берег...»	24
«Признаться, я люблю тебя не так...»	25
«Я женщиною рождена, и мне...»	26
Услышав симфонию Бетховена	27
«Из всех кричащих в крайностях недужных...»	28
«Когда тебя не станет и твой взгляд...»	29
«Я черствой не бывала никогда...»	30
«Я не дарю тебе любовь свою...»	31
«Разъятье рук твоих подобно смерти...»	32
«О сладостное острие, любовь...»	33
«Когда под старость по морозным жилам...»	34
«Когда, как мирт, прах увенчает нас...»	35
«Ты говоришь: «Жизнь к нам обоим зла»...»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдна Сент-Винсент Миллей Любовный хлеб

Стихотворения

«От воскрешенных утром сновидений...»

От воскрешенных утром сновидений
Печалью день пронзен. Везде – укор.
Хочу читать – но слез поток осенний
Стекает на руки, туманит взор.

Скорбь на корню сильнее, чем грусть в предгрозы:
Та скорбь в плену у тайны роковой
Выбеливает щеки алой розе,
Мертвит бутон и сушит лист живой.

Глубокий пруд у берегов прозрачен,
Искрится солнцем, тянется к цветам,
А в омуте его покой утрачен:
Чернея, бьется чье-то сердце там.

Сны прогоняют сон; я слез не прячу:
Заплачу – и проснусь, проснусь – и плачу.

«Ложь! Время боли не смягчит такой...»

Ложь! Время боли не смягчит такой,
Такой тоски оно не исцелит.
О милом дождь, рыдая, говорит,
О милом что ни день шумит прибой.

Из сада тянет прелою листвою,
Со склонов горных талый снег бежит,
Но прежней страстью все еще горит
Душа моя; в ней – прежних мыслей строй.

В иных местах мне страшно – там кругом
Жизнь памятью о нем напоена.
Порой скажу, легко войдя туда,

Где мой любимый не был никогда:
«Здесь нет его!» Скажу, и вмиг о нем
Я вспомню, мыслью этой сражена.

«Ты – в памяти оттаявшей земли...»

Ты – в памяти оттаявшей земли,
Дороги пыльной, вешнего цветенья,
В неторопливом лунном восхожденье;
Ты – в каждой птичьей трели, что вдали

Звенит в разгаре лета, в запустенье
Гнезд, что когда-то свили журавли,
Во всех ветрах и бурях, что прошли
Над миром в годовом круговращенье.

Вверх по тропе, исхоженной рассветом,
Ты не пойдешь, и шума птичьих крыл
Ты не услышишь в воздухе прогревом,

Когда птенец давно уж в небо взмыл, –
Но ты пронизан красотой и светом,
И долгий год тебя не позабыл.

«О, если до меня домчится весть...»

О, если до меня домчится весть,
Что ты погиб, тебя на свете нет –
В газете, скажем, я могу прочесть,
Которую в метро листал сосед,

Что на углу (указано, каком,
С дотошностью газет), толпою скрыт,
Бегущий человек с твоим лицом
Сегодня ровно в полдень был убит, –

Не вскрикну я: в метро, среди людей,
Нельзя же так в отчаянье впадать!
За бегом станционных фонарей
Чуть пристальней я стану наблюдать,

С чуть большим интересом два столбца
Прочту – рекламу кремов для лица.

«В беседе нашей я зову вас другом...»

В беседе нашей я зову вас другом.
Да, вы мне друг; но знаем наперед –
Укоренится чувство, зацветет
Цветок душистый на стволе упругом.

Он выживет наперекор всем выюгам.
Цветок на нас свой аромат прольет,
Смутимся мы, и голова пойдет,
Как водится, у нас обоих кругом.

Но здесь поддельной страсти места нет:
В нас бьется страсть Изольды и Тристана;
Гиневра Ланселоту свой привет

Как будто шлет из вражеского стана;
Франческа на Паоло нежный свет
Струит, роняя книгу непрестанно.

«Обеты я не слишком свято чту...»

Обеты я не слишком свято чту:
Не будь ты так прелестен, мой любимый,
С другим нашла бы я свою мечту
В погоне за красой неуловимой.

Не будь ты редким яством для меня
И вечным утоленьем дикой жажды,
Я бы сбежала среди бела дня
Искать другого, как тебя однажды.

Но ты блуждаешь с ветром заодно;
Приязнь твоя изменчивей прибоя.
Непостоянной быть немудрено —
Ведь я меняюсь следом за тобою.

Любовь моя беспечна и вольна:
Я неверна, когда тебе верна.

«Опять в мои засушливые дни...»

Опять в мои засушливые дни
Пришли, как ветер, дующий с полей,
Пришли, как пенье ледяных ключей,
Воспоминанья о тебе; они –

Погибель мне: напрасно искони
Я доверяла щедрости твоей;
Твоя земля – пустыня; нет на ней
Ни деревца – пески текут одни.

Опять, неведеньем просвещена,
Стремлюсь я за твоим миражем вслед:
Рыдаю, падаю, лежу без сна,

Встаю, опять бреду на смутный свет,
Туда, где цель желанная видна,
И к ней тянусь... но ничего там нет.

«Тебе в лицо глядела непрестанно...»

Тебе в лицо глядела непрестанно –
Так, что порой глазам не вмоготу.
Ты словно солнце в мареве тумана:
Как вынести такую красоту?

И поневоле взор я отвратила
От света: он – не для моих очей.
Я слишком засмотрелась на светило,
Совсем ослепла от его лучей.

Теперь мне кажется каморкой мрачной
Обыденная жизнь: я здесь брожу,
Среди вещей, их тесноты невзрачной
Мучительно дорогу нахожу,

Не в силах приподнять тоски покровы,
К потемкам жизни привыкая снова.

«Любимый мой, подумай о грядущем...»

Любимый мой, подумай о грядущем:
Нас Время горше Смерти разлучит –
Тебя оставит к старости идущим,
А мне расцвет и силы сохранит.

Пока еще мы вместе покоряем
Бессмертную и сладостную высь;
О ней не помним и не вспоминаем.
Но вот все опасения сбылись:

Лежим без сна, и нашему кресалу
Уже не высечь страстного огня –
Была ребенком я, ты снес немало,
Когда впервые повстречал меня.

Проходит ночь. День отчужденно-скудный
Навис над нашей болью обоюдной.

«Как пилигрим вновь посещает храм...»

Как пилигрим вновь посещает храм,
Покинутый уже бог весть когда,
Где нынче только мох и лебеда,
А некогда курился фимиам;

Как он при виде стертого следа
Родного имени, прильнув к камням,
Дает излиться скорби и слезам,
Так я в отчаянье спешу сюда.

Ты мне был Сладострастья алтарем.
Твой дух угас, и пепел твой остыл,
И все же здесь твоя стучала кровь:

Вот почему во тьме ночной и днем
Тебя ищу я здесь, моя любовь,
Умершего ищу среди могил.

«Когда уйдешь ты – тот, что для меня...»

Когда уйдешь ты – тот, что для меня
Сегодня слов написанных дороже,
Ты ключ от сердца моего, похоже,
Вернешь мне снова, холодность храня.

Твое обличье Фебова огня
Не чуждо, с лунною дорожкой схоже.
Куда ни оглянусь, оно все то же.
Я плачу, прошлому не изменяю.

Твоя любовь ко мне цветку подобна –
Отринув смерть, в дремоту влюблена,
На жертву и на подвиг неспособна;
Поникла, словно стебелек, она,

Воззрилась, изумясь, на вихорь тот,
Который лепестки ее сметет.

«Когда Любовь меня разоблачит...»

Когда Любовь меня разоблачит,
Повергнув этот гордый лоб во прах,
На миг не усомнюсь в ее правах –
Какой-то смысл высокий в этом скрыт,

Скупое совершенство; пусть звучит
На улицах, благовестит в церквах,
Что я отведала, себе на страх,
Любовный хлеб. Он мне, как Смерть, претит.

Все сказано. Не стоит продолжать.
Не любишь ты – на том и порешим.
Твоей рабыней, вопреки всему,

Я стала. Плен мой будет нерушим,
И это каждый волен осмеять,
Но муки я не выдам никому!

«Я – только лето сердца твоего...»

Я – только лето сердца твоего,
Не все четыре времени в году.
В иных краях достойней существо
Ты встретишь: нет, я большего не жду.

Осенний груз плодов я не коплю,
Нет зимнего прозрения во мне,
И слишком долго я тебя люблю,
Чтобы звенел мой голос по весне.

Вот почему за летом вслед крадусь
И барабаны войск моих молчат.
Подобно лету, я к тебе вернусь –
Ты будешь вновь цветку и птице рад.

Иль даже лета своего черты
В другой поре найдешь невольно ты.

«О, если любишь, радость подели...»

О, если любишь, радость подели
Со мной – иль дай мне часть своих страданий!
Лишения твой жребий рассекли,
Жестоко полоснув по тонкой ткани.

Златая нить моей судьбы прочна,
Незыблема – ей нипочем наветы.
Она несчастьями закалена,
И ты прекрасно понимаешь это.

Побудем же хоть день наедине
И окунемся в солнечную ясность,
В цветущий сад! – иль вновь придется мне
Брести, как ты, сквозь горе, смерть, опасность...

Пойдем встречать то, что с весною схоже:
Ведь если это не любовь, то что же?..

«Жалей меня не оттого, что свет...»

Жалей меня не оттого, что свет
На склоне дня покинул небосвод;
Жалей меня не оттого, что след
Красы былой с полей и рощ уйдет;

Жалей меня не оттого, что лик
Луны поблек, волна стремится вспять;
Не оттого, что страсть мужская – миг
И больше мне твоей любви не знать.

Давно известно мне: любовь – пурга
Цветов, летящих с вишневых ветвей,
Прибой, швыряющий на берега
Обломки затонувших кораблей.

Жалей меня за то, что разум скор,
А сердце неразумно до сих пор.

«Вдруг от твоей всем видимой личины...»

Вдруг от твоей всем видимой личины
И от твоих рассказов устаю,
Рассеянно из беглых мыслей व्यю
Свою причудливую паутину;

Тебе в лицо и на руки смотрю,
Любя, не знаю, в чем любви причина...
«Но он в стихах так изливал кручину,
Так пел восторг!» себе я говорю.

Припомни, друг, когда черты чужие
Начнешь искать, всмотрясь в мои черты,
Как в книге ты меня узнал впервые,

Как за строку в меня влюбился ты:
Мы связаны, покуда пальцы злые
Не сдавят горла певчей Красоты!

«Вовек не затянуться этой ране...»

Вовек не затянуться этой ране –
Ее не смерть, не злоба нанесла:
Сама любовь истлела, отцвела,
У Красоты оборвалось дыханье.

Теперь на этой выжженной поляне
Трава не вырастет: сгорят дотла
Ростки – их убересть я не смогла.
Там, под землей, горчит мое страданье.

Я вынести могу ветра в апреле,
А в августе – последний летний гром;
Я знаю, что мы все в земной постели,

Ко праху прахом отойдя, уснем.
Но смерть мечтаний лучших в колыбели
По сердцу моему – удар ножом.

«Опять приду на этот хмурый берег...»

Опять приду на этот хмурый берег
И хижину поставлю у воды,
Так, чтобы водоросли – знак беды –
Чуть-чуть моей не достигали двери,

Так, чтоб исчезла боль моей потери,
Прозренья унесло ее следы.
Здесь будут мысли ясны и тверды,
Лишь здесь познаю счастье в полной мере.

Любовь из глаз твоих ушла мгновенно,
Не помнят нежных слов твои уста;
Миг – и исчезнет вкупе с тем, что тленно,

Полунапевность, полунемота.
Зато все те же скалы в буйстве пены
Увижу там, где юность прожита.

«Признаться, я люблю тебя не так...»

Признаться, я люблю тебя не так,
Как жизнь – к примеру, меньше, чем выюнок,
Что вокруг стены оставил гибкий знак,
Не как листвы осенней костерок.

Но ты – ты светишь мне в моей судьбе
Жемчужной мглой, предвестницей дождя.
Упрямо взор мой приковал к себе!
И я смотрю, смотрю не уходя.

Пройдут недели, прежде чем пойму,
Зачем мне помнить цвет твоих кудрей,
И как они растут, и почему
Я от словес твоих живу мудрей.

Узнает мир, что я тебя люблю,
Хотя любви сейчас не сознаю.

«Я женщиною рождена, и мне...»

Я женщиною рождена, и мне
Присущи наши, женские понятия.
Готова я упасть в твои объятия,
Когда мы вместе; вьаве ли, во сне

Пульс прояснен, а разум – в пелене.
Так создан свет – над беднотой и знатью
Владычит Страсть. И снова я проклятью
Подчинена, унижена вполне.

Ты не подумай, что из-за измены
Здоровой крови шаткому уму
Я сразу полюблю тебя. На смену

Презренью жалость сердцем не приму –
Напротив. Нам, безумцам, несомненно,
Слова при новой встрече ни к чему.

Услышав симфонию Бетховена

О музыка, не умолкай, звучи!
Обратно в мир не отвергай, продлись!
Твои животворящие лучи
В моей душе, как маяки, зажглись.

Ты властного прозрения полна:
Злость, зависть – все, гнетущие Добро,
Застыли в путах колдовского сна,
Как повара в сказке у Перро.

Вот лучший в жизни миг! Покой храня,
Цветет напев, а хрупкий стебелек
Его истерзан... Не отринь меня,
Гармония, пока не грянет Рок

И мой волшебный город не сметет...
О музыка, одна ты мне оплот!

«Из всех кричащих в крайностях недужных...»

Из всех кричащих в крайностях недужных:

«О, смилуйся, жестокая Любовь!»

Сочти меня слабейшей из ненужных –

У них на смятом сердце рдеет кровь.

Они томятся, криком оглашая

Темницу и во сне и наяву.

Моя кручина в точности такая:

«Пусти на волю! Не переживу!»

Оковы разорвать бы мне хотелось,

Но золотом они в ушах звенят...

А если вдруг найду в себе я смелость,

Не брошу все равно тюремный ад –

Меня здесь сторож оделяет хлебом,

Тот, чьи глаза в родстве со звездным небом.

«Когда тебя не станет и твой взгляд...»

Когда тебя не станет и твой взгляд
Из бурных век пронзать меня не сможет,
Планеты две на небо прилетят
И звездный блеск сияньем уничтожат

На краткий миг, и кто-то из окна
Продрогшего увидит их со страхом
Вон там, где туч распалась пелена,
А ты, родной, умрешь и станешь прахом, –

Неужто я тебя переживу?
Неужто мне чужда моя утрата?!
О нет! Когда бессильно призову
Тебя из воздуха, из небоската,

Мой мозг запомнит ярость глаз-планет –
Ведь ярче их на небе звездном нет!

«Я черствой не бывала никогда...»

Я черствой не бывала никогда –
Не огорчу ромашек полевых,
Не разорю ни одного гнезда,
Где птица пестует птенцов своих.

Зачем не успокоюсь до тех пор,
Пока перед окном груди моей
Не затрепещет, веселя мой взор,
Твоя душа – смятенный воробей?

«Ромашка, прочь из сердца моего!
Птенец, лети, пока открыт балкон!»
Кричу, стыдясь и мучась оттого,
Что я диктую Красоте закон.

Но поневоле, может быть, кричу –
Ведь отпускать тебя я не хочу...

«Я не дарю тебе любовь свою...»

Я не дарю тебе любовь свою
В прохладном, полном жемчуга ларце;
Ключ от него, как все, не утаю
И надписи не выбью на кольце:

«Semper fdelis»¹ – в знак моей любви.
Кольцо с пружинкой, сторожащей яд,
Который, будто в конуре, внутри,
Причудницы другие пусть дарят!

Легла моя любовь мне на ладонь.
Как яблоки – в подол, а в плат – цветы.
Возьми ее. Не обижайся, тронь!
Бессребреницы не чурайся ты.

Кричу, как малое дитя: «Смотри,
Что я тебе нашла! Все-все бери!»

¹ Semper fidelis – Всегда верна (лат.).

«Разъятье рук твоих подобно смерти...»

Разъятье рук твоих подобно смерти.
Ужели без тебя умру опять?!
Нам не дано на этой хрупкой тверди
Двукратно жить, двукратно умирать.

Томясь у Времени в узде суровой,
К нам в дверь стучит его гонец – рассвет.
Но Время не подвергнет муке новой
Меня на гребне самых горьких бед.

Когда ты розами и рожью станешь,
Видением печальным появлюсь
Там, где любила, там, где в вечность канешь.
Над прахом незабвенным я склонюсь,

Воздену руки и уйду украдкой,
Как ныне, на исходе ночи краткой.

«О сладостное острие, любовь...»

О сладостное острие, любовь,
Когда, твоим вторжением убита,
Я принималась плакать вновь и вновь,
То ливнями, то мраком ночи скрыта,

Когда, казалось, свет прогонит прочь
Дожди и слезы долгой этой ночи,
Когда под пенье птиц, сменяя ночь,
Взошло светило, ясный день пророча, –

Откуда, сладостное острие,
Любовь, мне было знать, что боль такая
Наполнит сердце кроткое мое,
Взаимность и признанья отвергая?..

Я бы тогда на зов не прибежала
Того, кто так любил меня – так мало...

«Когда под старость по морозным жилам...»

Когда под старость по морозным жилам,
Ликующая прежде, наша кровь
Безмолвно потечет, не с прежним пылом,
И мы поймем, что ей не вспыхнуть вновь,
Утешимся одним: ведь мы молчали
Об этом в юности, в расцвете сил,
Когда мы времени не замечали
И спали крепко, как во тьме могил.

Любимый мой, когда копьем Аврора
Ударит, клича утро над землей,
И мы встаем, бывало, слишком скоро
И отстраняем дерзкий свет дневной,

Не хмурься, если скажут знатоки,
Что так недавно были мы близки...

«Когда, как мирт, прах увенчает нас...»

Когда, как мирт, прах увенчает нас,
Глаза навеки нам закроет мрак,
А в жизни, полной смеха и проказ,
Мудрец рассудит, что было не так;

И молодежь в морской волноворот
Вплывет, еще не скроена судьбой...
Кто за монетками на дно нырнет?
Они, любимый, но не мы с тобой.

Пусть те счастливы – им дышать дано –
Не дразнят наших теней в тишине
Тем, что любовь изолгалась давно,
Что верить не во что тебе и мне.

Пусть нас молчанием почтят особым –
Мы верили в любовь и перед гробом.

«Ты говоришь: «Жизнь к нам обоим зла»...»

Ты говоришь: «Жизнь к нам обоим зла».
Ты говоришь: «Свет нашу страсть клянет;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.